

В современной хазароведческой литературе можно отметить немало работ, посвященных хазарам, аланам, болгарам и другим народам Хазарского каганата. При этом собственно о хазарах написано очень много работ, но так и не дана их культурная атрибуция. Что касается аланов и болгар, то в этом отношении им повезло гораздо больше, ибо с ними связывают несколько локальных вариантов салтовской культуры. Однако такими же проблематичными, как и хазары, остаются касоги, которых традиционно локализируют на Северо-Западном Кавказе, т. е. там, где проходила юго-западная граница Хазарского каганата. Однако до сих пор в решении данной проблемы существует немало белых пятен.

Так, исследователи уже давно пришли к выводу, что в X в. одним из обозначений адыгских племен, проживавших на территории Хазарского каганата, стал новый этноним *касoги*. Уже сам этот факт требует объяснения. Но этот вопрос до сих пор остается нерешенным. Кроме того, требует отдельного рассмотрения также вопрос расселения адыгских племен на территории Хазарского государства, а также их культурная атрибуция. Не ясна также степень интеграции касогов в военно-политическую структуру Каганата. Следует отметить, что последним вопросам за последние десятилетия не уделялось должного внимания. Однако не исключено, что все отмеченные вопросы между собой взаимосвязаны. Логично начать рассмотрение проблемы с происхождения самого этнонима *касoги*.

Известно, что во времена раннего Средневековья византийские авторы использовали для обозначения всех адыгов этническое название *зихи*, происхождение которого представляет отдельную проблему. Иногда исследователи обращали внимание на то, что в ольвийских надписях II в. н. э. встречался антропоним *Касаг*. Однако нет никаких оснований связывать его с этнонимом, который начал распространяться в письменных источниках лишь в первой половине X в. [Волкова, 1973, с. 19–20].

В свое время Н. Г. Волкова высказала предположение, что термин *касoг* мог фигурировать в письменных источниках уже в конце VIII в., как новый обобщающий этноним для всех адыгов [Волкова, 1973, с. 19–20]. Основанием для этого стал фрагмент одного из вариантов христианского агиографического сочинения „Хождение Апостола Андрея в стране Мирмодонян”, переписанного в конце VIII – начале IX вв. монахом Епифанием, который ссылается на святого Епифания Кипрского, жившего в V в. Монах Епифаний сообщает следующее: „По словам святого Епифания, он знал из предания, что блаженный апостол Андрей учил Скифов, *Косогдиан* и Горсинов, в Севастополе Великом, где находится укрепление Ансара и гавань Исса и река Фазис...” [Васильевский, 1909, с. 226]. Однако термин *Косогдианы* не встречается в других редакциях этого агиографического произведения. Так, в варианте этого сочинения, связываемого с Софронием, этот отрывок имеет вид: „Андрей, брат его (Петра), как предали нам предки, – проповедовал евангелие Господа нашего Иисуса Христа Скифам и *Согдианам* и Саккам, и проповедовал в Севастополе Великом, где находятся укрепления Ансара и река Фазис...” [Васильевский, 1909, с. 225–226]. Таким образом, видим, что здесь вместо „Косогдианов” упомянуты „Согдианы”. Такую же ситуацию наблюдаем и в некоторых других ранних вариантах этого агиографического сочинения [Васильевский, 1909, с. 225–226]. По мнению В. Г. Васильевского, „Саки и Согдианы ... могли быть переводом на ученый язык более популярных и более сказочных терминов наподобие песих голов или чего-то похожего на то” [Васильевский, 1909, с. 262]. А. В. Пьянков прокомментировал данную ситуацию следующим образом: «На ошибку переписчиков, принявших союз *и* (греч. *кай*) за часть имени народа согдиан, обратил внимание В. Г. Васильевский, поместивший в скобках исправление в греческом тексте и в русском переводе. Из чего следует, что у монаха Епифания нет сообщения о касогах. Заметим, что в русской редакции Четвы Минеи включен отрывок из труда монаха Епифания, в котором упоминаются “касози” [Васильевский, 1909, с. 275]. Но и этот отрывок не является доказательством раннего упоминания касогов. Русский перевод не мог быть выполнен ранее XI века, когда на Руси отсутствовали необходимые для этого условия. Скорее всего, он был сделан много позднее XI века. “Касози” в русской редакции текста монаха Епифания появились под влиянием русской летописной традиции, которой этот этноним был хорошо знаком» [Пьянков, 2001, с. 199]. Однако могут быть и другие объяснения этого.

Обратим внимание, прежде всего, на древнерусский текст, совпадающий буквально в деталях с греческим текстом монаха Епифания, где сказано: “И многа чудеса творивша, и многи научивша идоста в Авазгию. И влезша в Севаст град и участв слово Божию, и мнози приаша Касози. Андреа же, оставив Симона с ученики, сам иде в Зикхию” [Васильевский, 1909, с. 275]. Если действительно мы имеем в древнерусском варианте жития Андрея термин “Касози”, то это можно объяснить двумя факторами. Во-первых, термин “Косогдианы” уже присутствовал в искомом тексте Епифания, жившем на рубеже VIII–IX вв. Во-вторых, в первоначальном тексте Епифания был термин “Согдианы”, который древнерусский

переводчик посчитал ошибкой или анахронизмом и заменил на вполне знакомый ему народ Северо-Западного Кавказа, носящий тогда название “касоги”. Что же тогда мешает считать, что последнее не могло произойти в начале IX в. и с монахом Епифанием, который пользовался более ранними редакциями этого агиографического сочинения, где присутствовал лишь термин “Согдианы”? Получается, что термин **Косогдианы** впервые мог быть упомянут уже на рубеже VIII–IX вв.

Лишь в X в. это новое этническое название получило распространение в исторических и географических произведениях. Так, в первой половине X ст. арабский географ Мас’уди в своем географическом трактате “Мурудж ад-Дзахаб” упоминал на Северо-Западном Кавказе народ **кашак**: “За царством аланов находится народ, называемый кашак и живущий между горой Кабх и Румским (Византийским) морем. Этот народ исповедует религию магов. Среди этих мест нет народа более изысканной наружности, с более чистыми лицами, нет более красивых мужчин и более прекрасных женщин.... В их стране производятся различные ткани из льна того сорта, который именуется *тала* (?) ‘золото’ и который более тонок и носок, чем сорт *дабики*; один отрез его стоит 10 динаров, и он вывозится в соседние страны ислама. Такие же ткани вывозятся и смежными народами, но славится сорт, вывозимый этими [кашаками]. Аланы более мощны, чем кашаки, которые не могли бы справляться с аланами, если бы их не защищали крепости на морском побережье...” [Минорский, 1963, с. 206].

В данном фрагменте необычно то, что кашаки – это народ, который “исповедует религию магов”. Этот пассаж В. Ф. Минорский прокомментировал следующим образом: «Мусульманские авторы применяют название *маджус* к древним русам и норманнам, по-видимому, из-за их обычая сжигать мертвых, описанного у Ибн Фадлана.... Это “сжигания на корабле” ... могло быть неправильно понято как “огнепоклонство”, что явствует из Марвази...: “саклабы сожигают мертвых, ибо они огнепоклонники”.... Я не смог выяснить, существовали ли подобные обычаи у черкесов, среди которых ко времени Мас’уди были и христиане» [Минорский, 1963, с. 206, прим. 81]. Можно полностью согласиться с мнением В. Ф. Минорского, что отождествление кремации с огнепоклонством весьма ошибочно. Как известно, зороастрийцы или огнепоклонники никогда не могли бы осквернить одну из священных стихий – огонь мертвым телом. Однако такая ошибка средневековых авторов могла быть вполне возможной. Но к этому следует вернуться несколько позже.

Интересны также сведения Мас’уди о локализации земель кашаков. Как уже удалось убедиться, кашаки проживали на запад от аланов, чья страна находилась в Центральном Предкавказье. С запада земли кашаков были ограничены морем, о котором Мас’уди сообщает: “По поводу моря, у которого они живут, мнения людей расходятся: одни полагают, что это Румское море, а другие – что это Нитас (Понт). Во всяком случае по морю от них недалеко до земель Трапезонда, откуда товары идут к нам на кораблях и с их стороны также отправляются [корабли]” [Минорский, 1963, с. 206]. Вполне понятно, что в данном случае речь идет о Черном море. Что же касается запутанности терминологии у Мас’уди, то В. Ф. Минорский данный пассаж объясняет следующим образом: “Это показывает, что Мас’уди использовал различные сообщения. Его описание черкесов, видимо, основано на рассказах черноморских купцов. Даже в своем позднейшем *ат-Танбих* Мас’уди не обнаруживает ясного знания географии черноморского бассейна” [Минорский, 1963, с. 206, прим. 83].

Не менее интересны сведения Мас’уди о северо-западных соседях кашаков: “За этой прибрежной нацией следует нация, чья страна называется Семь земель... Это большое и хорошо защищенное племя. Его земли простираются далеко, но я не знаю, к какой из наций оно принадлежит и какова его религия... К ним примыкает другое большое племя, отделенное от кашаков рекой, которая по величине подобна Евфрату и впадает в Нитас (Понт), на котором стоит Трапезонд...” [Минорский, 1963, с. 207]. В. Ф. Минорский в комментариях к этому фрагменту отметил сложность этнической идентификации упомянутых народов, но высказал предположение, что это могли быть проживавшие в конце IX в. в степях Приазовья болгары или мадьяры [Минорский, 1963, с. 207, прим. 86–87].

Близкое по форме к термину **касог** название страны **Касахия** фигурирует в середине X в. в сочинении Константина Багрянородного “Об управлении империей”: “Выше Зихии лежит страна, именуемая Папагия, выше страны Папагии – страна по названию Касахия, выше Касахии находятся Кавказские горы, а выше этих гор – страна Алания” [Константин, 1991, с. 173–174]. Как видим, Константин Багрянородный для обозначения этнических групп на землях адыгов использовал в середине X в. три этнотопонима, одним из которых являлось название **Касахия**. А. В. Пьянков прокомментировал данное сообщение следующим образом: “Указание Константина Багрянородного, что места с нефтяными источниками отстоят от моря на расстоянии дня пути без смены коня, и данные топонимики позволяют локализовать Папагию на территории современного Крымского и, возможно, предгорной и горной части Абинского района. В таком случае, Касахия в первой половине X века должна была занимать Закубанские земли на восток от Папагии, вплоть до реки Псекупс” [Пьянков, 2001, с. 201]. Что касается территории Зихии, то исследователь локализовал ее следующим образом: “Западные земли касогов были заняты

племенами зихов, которые, судя по сообщениям более ранних письменных источников и археологическим данным, населяли территорию черноморского побережья к юго-востоку от Цемесской бухты... Зихи расширили ареал своего расселения на северо-запад вплоть до старого русла Кубани и заняли отстоящую далеко от берегов Папагию. Эта новая этно-политическая ситуация нашла отражение в сообщении Константина Багрянородного" [Пьянков, 2001, с. 205].

Впервые касоги были упомянуты в древнерусских летописях там, где речь идет о походе Святослава против хазар в 965 г. [Ипатьевская, 1843, стб. 246; Воскресенская, 1856, с. 287]. Кроме того, древнерусские летописи сообщают о походе на касогов тмутараканского князя Мстислава в 1022 г. и о взятии дани с касогов тмутараканским князем Ростиславом. Учитывая это, следует считать, что в XII в. касоги проживали близ русского Тмутараканского княжества. Возможно, что в последний раз древнерусские летописи сообщали о касогах под 1223 г., где речь идет о первом походе монгольских полководцев на Северный Кавказ [Воскресенская, 1856, с. 129; Лаврентьевская, 1846, с. 189]. Необходимо отметить, что древнерусские летописцы использовали два варианта этого этнического названия – *касoги* или *кoсoги*, что может лишь свидетельствовать о диалектных расхождениях в древнерусском языке.

В конце X в. неизвестный фарсоязычный автор трактата „Худуд ал-‘Алам” локализовал близ страны аланов на берегу Черного моря город *Касек*: “Слово об области аланов и городах ее. Это область в ущельях и горах; богатое место; царь их – христианин. У них тысяча больших деревень; между жителями есть христиане и идолопоклонники, горцы и степняки. Касек – город в стране алан, расположенный на берегу Черного моря; место богатое; в нем есть купцы...” [Худуд ал-‘Алем, 1930, с. 31, табл. 38а]. Как видим, в X в. этнопоним *Касек* уже находился в стране аланов, что вполне согласуется с более ранней информацией Мас’уди о набегах аланов на земли кашаков [Минорский, 1963, с. 206]. Это в конечном итоге должно было привести к покорению касогов аланами.

Известно, что осетины, потомки кавказских аланов, еще до сих пор называют кабардинцев *каесаег*, *каесгон* [Волкова, 1973, с. 20-21]. Именно осетинское окончание данного этнонима –*аег* дало основания Г. Ф. Турчанинову говорить об аланах, как о посредниках в распространении данного этнического термина среди восточных славян [Турчанинов, 1971, с. 75]. Следовательно, восточные славяне, византийцы, арабы, персы и другие народы могли заимствовать этноним *касoг* благодаря посредничеству аланов.

В пользу того, что этноним имел первоначальный вид *кас-* могут свидетельствовать данные некоторых других письменных источников. Так, в Пространной редакции письма хазарского царя Иосифа, составленной значительно позже середины X в., в непосредственной близости от владений кавказских аланов упомянута „страна Каса”: “Оттуда граница поворачивает к горам. Азур, в конце (страны) Б-г-да, С-риди, Китун, Ар-ку, Шаула, С-г-с-р-, Ал-бус-р, Ухус-р, Кварус-р, Циг-л-г, Зуних, расположенные на очень высоких горах, все аланы до границы Аф-кала, все живущие в стране *Каса* и все (племена) Киял, Т-к-т, Г-бул, до границы моря Кустандины, на протяжении двух месяцев пути, все платят мне дань...” [Коковцов 1932, 100–102]. Комментируя пассаж с упоминанием “страны Касса”, П. К. Коковцов указал: «По весьма вероятному предположению Вестберга..., с которым полностью согласен Маркварт..., под этим именем следует разумеать соседний с аланами народ “Кашак” арабских географов, или Касогов русских летописей..., имя которых у более поздних араб. писателей имеет вид также “Каса”... Это совпадение поздней араб. формы имени с написанием его в нашем хазарском документе не говорит, по мнению Маркварта, в пользу древности последнего» [Коковцов, 1932, с. 105, прим. 14]. В последний раз Плано Карпини в своей “Истории монгалов”, составленной в 40-е гг. XIII в., упомянул среди народов Кавказа этническую группу *Касы* [Карпини, 1957, с. 72].

Следует отметить, что происхождение этнонима *касoги* до сих пор остается предметом острых научных споров. По этому поводу существует несколько гипотез, хотя ни одна из них не получила широкой поддержки среди исследователей.

Следует отметить, что уже Мас’уди заинтересовался происхождением этнонима *кашак* и дал этому свое объяснение: «Их название обозначает по-персидски “гордость”, “хвастовство”, поскольку персы называют высокомерного гордого человека *кашак*» [Минорский, 1963, с. 207]. В своих комментариях В. Ф. Минорский подтвердил это: «По-персидски каш ‘гордый’» [Минорский, 1963, с. 207, прим. 85]. Однако в исторических документах не зафиксировано пребывание персов на Северо-Западном Кавказе и поэтому данное созвучие слов не принимается в расчет современными исследователями. На сегодня иных объяснений на этот счет существует много.

Наиболее смелой из них является гипотеза И. М. Дьяконова, который склонен связывать название древнего народа Северо-Восточной Анатолии *каска* с касогами. Относительно этого аргументы исследователя следующие: «Сходство этнического названия *каска* с одним из древних названий адыгско-черкесских племен (др.-груз. *кашаки*, *кашаг*, др.-арм. *гашк*, визант.-греч. *Касахия*, араб. *кашак*, др.-рус. *кoсoг*) может быть и случайным, но оно в известной мере подкрепляется названием одного, по-видимому, самого восточного из каских племен – апешлайцев, совпадающим, как мы уже говорили, с древним

названием абхазов (греч. *апсилу*, др.-груз. *ап'шил*, др.-арм. *апшилк*, срав. нынешнее название абхазцев *а-п'с-уа*, или *а-ап'ш-уа*). Известно, что как черкесы, так и абхазцы принадлежат по языку к одной абхазско-адыгской языковой семье, и не было бы ничего удивительного, если бы к ней принадлежали и каска» [Дьяконов, 1988, с. 118–119]. Однако этническое название *каска* исчезает со страниц письменных источников уже в первой половине I тыс. до н. э., а первое упоминание о касогах относится к концу I тыс. н. э. Таким образом, значительный хронологический разрыв не позволяет поддержать предложенную гипотезу.

Довольно интересно, что до недавнего времени гипотезы об автохтонном кавказском корне этнонима *касого* придерживался В. А. Бушаков, который считал, что в упомянутая в X в. Константином Багрянородным *Касахия* “могла быть самой восточной группой адыгских племен”. По его мнению, “первоначальными кашагами был тот давний народ, следы языка которого сохранились во многих топонимах Дигории (названия, которые заканчиваются на *-ск-*) и Балкарии (названия на *-шк-*)”. Исследователь предполагал, что “после ассимиляции кашагов осетинами, кабардинцами и кипчаками, их имя перешло на адыгов”. Таким образом, этническую принадлежность первоначальных кашаков (касогов) В. А. Бушаков так и не смог определить [Бушаков, 2007, с. 44–45]. В этом случае исследователь так и не объяснил, почему это давнее, по его мнению, этническое название Северного Кавказа начало фиксироваться письменными источниками лишь в конце I тыс. н. э.

К. М. Менгес происхождения этнонима *касого* объясняет следующим образом: «Это имя попало в древнерусский язык или прямым путем, либо через посредство аланов-аорсов. В языке их потомков осетин слово сохранилось в форме *kasag*, обозначая адыгейца (черкеса) или кабардинца... Невозможно установить, является ли это слово в осетинском активным причастием настоящего времени *kas-aeg* ‘глядящий’ от *kas-yp* ‘глядеть’ или народноэтимологическим образованием от имени адыгейцев на осетинской почве». При этом К. М. Менгес ссылался на работы В. И. Абаева [Менгес, 1979, с. 195–196]. Сам же В. И. Абаев относительно осетинского названия для кабардинцев *kaesaeg* отметил, что “происхождение термина не установлено” [Абаев, 1958, с. 588–589].

К аналогичным выводам пришла также Н. Г. Волкова, которая относительно распространения давних этнических названий адыгов *зихи* и *касого* среди современных народов Кавказа указала: “Тем не менее, такая генетическая связь терминов на протяжении нескольких десятков столетий еще не может и не означает, что давние этнонимы *зихи* и *касаги*, как и в наши дни, соотносились с адыгским этносом. Известны случаи, когда этническое содержание термина изменялось и в более короткие исторические периоды...” [Волкова, 1973, с. 19–21].

М. Фасмер объясняет происхождение этнонима *касого* следующим образом: “этот этноним объясняют из осетинского *kaesaeg*. “черкес” – сокращенная форма из осетинского *saerkasaeg* (вот *saegaes* “орел” из *iaarkas*)” [Фасмер, 1986, с. 206–207; Фасмер, 1987, с. 344]. В данном случае складывается впечатление, что эти этнические названия имеют отношение к тотемному животному, что можем наблюдать с этнонимами в среде многих народов. Тем не менее, письменные источники отмечают совсем противоположную ситуацию: сначала употребляли термин *касого* и лишь в середине XIII в. адыгов начали обозначать термином *черкас*.

Следует отметить, что относительно происхождения этнонима *касого* существуют и другие гипотезы, на чем следует остановиться в дальнейшем. Как видим, вопрос на сегодня остается нерешенным, хотя среди исследователей получила распространение идея, что этот этнический термин представляет собой не самоназвание адыгов, а экзоэтноним.

Касаясь вопроса о происхождении этнического названия *кас-ог*, можно отметить, что в состав данного этнонима входит термин *кас-*, что заставляет вспомнить этнические и социальные названия – *хазар*, *казак*, *казах*, тюркское происхождение которых уже было давно доказано, ибо они, по мнению многих исследователей, происходят от общетюркского *кас (коса)* – “кочевать”. Необходимо также напомнить, что раннесредневековые источники дают нам один из вариантов первоначального названия хазар – *коса* [Артамонов, 1962, с. 114]. В свое время Д. Данлоп в своей монографии, посвященной хазарам, пытался связать центральноазиатский народ *коса* как с ранними хазарами, та и уйгурами: [Dunlop, 1954, chapter 2]. Однако данная гипотеза не получила дальнейшего развития ввиду того, что название *коса*, которое обозначало кочевой образ жизни, могло возникнуть у многих народов тюркского происхождения вполне самостоятельно [Артамонов, 1962, с. 114]. В. В. Радлов по этому поводу приводит такие данные: “кос = коч: переселяться, кочевать” [Радлов 1899, 1233]. Несомненно, что изначально термин *кас-* (*кос-*) являлся самоназванием у многих народов тюркского происхождения. Вопрос в том, есть ли археологическое подтверждение внедрения носителя этнонима *кас-* в среду адыгских племен на Северо-Западном Кавказе?

А. В. Гадло при характеристике археологических памятников Северного Кавказа в VIII–X вв., относительно его западной части, отметил: “Археологические памятники юго-западного района

представляют адыгские племена, ту зихско-касожскую общность, которая фиксируется письменными источниками. Особенностью материальной культуры этого района, отражающей особенности территориального положения адыгских племен, является ее многовариантность. Здесь сталкиваются элементы культуры, присущие причерноморско-византийским памятникам Крыма (Побережье), салтовско-маяцким памятникам Тамани и Приазовья (Закубанье), аланским памятникам Центральной части Предкавказья (междуречье Лабы и Зеленчука). Как и в других районах средневекового Северного Кавказа, здесь одновременно сосуществуют несколько различных форм погребальной обрядности, что ярко отражает незавершенность этнической и идеологической консолидации адыгов [Гадло, 1979, с. 199–200].

По наблюдениям И. О. Гавритухина и А. В. Пьянкова, в Северо-Восточном Причерноморье в предхазарский период ситуация выглядела следующим образом: на могильнике Бжид, как и на могильнике Сопино, “в VI–VII вв. полностью господствуют ингумации в каменных ящиках или грунтовых ямах с сосудами, поставленными у ног”; на могильнике Агойский аул “нет могил с каменной обкладкой и господствует юго-восточная ориентировка поргребенных”; аналогичная ситуация зафиксирована и на Борисовском могильнике [Гавритухин, Пьянков, 2003 с. 193–195]. По данным И. О. Гавритухина и А. В. Пьянкова, в VIII–IX вв. в Северо-Западном Причерноморье кроме ингумационных захоронений в каменных ящиках и простых грунтовых ямах появился новый обряд захоронений по обряду кремации [Гавритухин, Пьянков, 2003а, с. 195–200].

Особо следует выделить эти трупосожжения. Поэтому имеет резон обратить внимание на идею А. В. Пьянкова о “касожском” происхождении носителей кремационного обряда на Северо-Западном Кавказе, ибо данные средневековых авторов свидетельствуют о проживании в упомянутом районе в первой половине X в. именно касогов [Пьянков, 2001, с. 204–205]. Отметим, что в связи с этим А. В. Пьянков обратил внимание на отмеченный нами фрагмент из сочинения Мас’уди, согласно которому кашаки – это народ, который “исповедует религию магов” [Минорский, 1963, с. 206]. По этому поводу А. В. Пьянков отметил: “... часть сведений, сообщенных Масуди, относилась не к касогам, а зихам. Но поскольку последним не было свойственно сжигать умерших, то приведенная цитата из Масуди могла относиться только к самим касогам” [Пьянков, 2001, с. 205].

Как видим, этноним *касог* и кремационные захоронения на Северо-Западном Кавказе появились практически одновременно, на рубеже VIII–IX вв.. Не исключено, что изначально термин *касог* являлся обобщающим названием для смешанного тюрко-адыгского населения Прикубанья в конце VIII – первой половине X вв. О возможности такого симбиоза могут свидетельствовать раскопки Борисовского могильника, где на участке хазарского времени встречались не только кремации салтовского типа, но и ингумации в каменных ящиках, что соответствует местным традициям [Саханов, 1914, с. 75–219].

Этот могильник, находящийся близ Геленджика, был исследован В. В. Сахановым более ста лет назад и им же был датирован на основе нумизматического материала как V–VII вв., так и IX в. [Саханов, 1914, с. 75–219]. Для данного некрополя была характерна поливариантность погребального обряда. В. В. Саханов выделил на могильнике три группы захоронений, различных по хронологии и особенностям погребального обряда. Первую и вторую группы исследователь датировал VI–VII вв. и более поздним периодом. Подавляющее большинство этих захоронений были совершены по обряду ингумации в каменных ящиках или, в некоторых случаях в простых грунтовых ямах. Ориентация погребенных была различной. Кроме того, в 128 могилах этих групп были встречены и синхронные грунтовым захоронениям семь кремаций, совершенным на стороне, но помещенные в 6 случаях в каменные ящики и один раз в грунтовую яму [Саханов, 1914, с. 75–219].

Третью же группу на Борисовском могильнике представляли более поздние захоронения, для которых был характерен обряд кремации. Всего же в третьей части могильника было вскрыто 70 погребений, среди которых 45 кремаций в каменных ящиках и 10 грунтовых кремаций, 7 тайников с вещами, 7 погребений в каменных ящиках и одно погребение в деревянном гробу. В. В. Саханов соотнес в первой, второй и третьей группах ингумационные погребения в каменных ящиках и грунтовых ямах с зихами, а кремационные захоронения в каменных ящиках связал с крымскими готами. Что же касается остальных захоронений, принадлежащих к третьей группе, то исследователь не решился дать им этническую атрибуцию [Саханов, 1914, с. 75–219].

К сожалению, до сих пор для исследователей является загадкой происхождение “10 грунтовых ям с сожженными костями (№№ 80, 94, 97, 105, 109–111, 131–133), 7 случаев погребения одних вещей в грунтовой яме (№№ С, 92а, 116, 134, 141, 143 и 144)”. Инвентарь, обнаруженный в этой третьей группе погребений, резко отличает их от других групп захоронений Борисовского могильника. Здесь были обнаружены сабли (погр. №№ 144, 134, 144), наконечники стрел (погр. № 134), стремена (погр. №№ 134, 144), удила (погр. № 134, 144), железные пряжки (погр. №№ 134, 143), железные щипчики (погр. №№ 105, 134), железные серпы (погр. № 134), железная цепь особой конструкции (погр. № 134) и т. п. На основании этих находок В. В. Саханов пришел к выводу, что инвентарь из отмеченной группы захоронений имеет

прямые аналогии на Верхнесалтовском могильнике, и соответственно продатировал третью часть захоронений Борисовского могильника IX веком [Саханов, 1914, с. 75–219].

Однако картина была бы не полной без упоминания могильника Дюрсо, расположенного близ Новороссийска. Как и Борисовский, могильник Дюрсо является биритуальным: здесь представлены более ранние труположения в грунтовых ямах и более поздние трупосожжения. Для нас особый интерес представляют последние, которых было 173 и они располагались двумя компактными группами в западной и юго-западной частях могильника. Кремации могильника Дюрсо представляют небольшие кучи пережженных костей, рядом с которыми были сложены предметы, которые несут следы пребывания в огне. Необходимо отметить, что кремации совершались на стороне. При этом оружие, орудия труда, кухонные принадлежности часто приводились в негодность. Рядом с захоронениями ставились сосуды (кувшины, кружки) из красной и серой глины. Особо интересен инвентарь могильника, представленный металлическими серьгами, браслетами, оружием (наконечники стрел, наконечники копий, боевые топоры, сабли, кинжал, кистень, ножи), снаряжением коня, орудиями труда (складные серпы, рабочие топоры, пилы и напильники, пряслица) и т. п. Исследователь могильника А. В. Дмитриев на основе анализа инвентаря продатировал трупосожжения могильника Дюрсо VIII–IX вв., т. е. хазарским периодом [Дмитриев, 2003, с. 200–205].

Как отметил А. В. Дмитриев, кремационный раннесредневековый могильник Дюрсо – не единственный на Северо-Западном Кавказе [Дмитриев, 2003, с. 205]. Анализируя ситуацию в Северо-Западном Причерноморье А. В. Пьянков пришел к следующим выводам: “В VIII в. происходит частичная смена населения, отразившаяся в распространении в отдельных районах нового погребального обряда. На анапско-гелендижском побережье в Западном Закубанье, вплоть до устья реки Псекупс, выявлено 20 могильников с кремациями второй половины VIII – IX веков. Эти могильники занимают компактную территорию. Ее северной границей служила река Кубань, южной – северные склоны Кавказского хребта, западной – берег Черного моря, а восточной – река Псекупс. Кремации, распространившиеся в регионе, резко отличаются по основным деталям обряда от предыдущих и не связаны с ними происхождением. Для второй группы сожжений присущи такие черты погребального обряда, как сожжение инвентаря вместе с покойником, обязательная ритуальная порча инвентаря, устройство небольших и неглубоких могильных ям, помещение инвентаря в тайничках и отдельных ямках, присутствие в погребениях большого количества оружия и деталей снаряжения боевого коня и т. д. Для этой группы кремаций не характерны захоронения лошадей” [Пьянков, 2001, с. 204].

Исследователей кремационных могильников Северо-Западного Кавказа сразу же заинтересовали вопросы, связанные с происхождением населения, оставившего их. Ибо своим обрядом они никак не походили на соседние ингумационные захоронения, предшествующего и хазарского времени. Поэтому эти ученые довольно быстро нашли им аналогии уже среди памятников салтовской культуры. Так, А. В. Дмитриев отметил: “Могильники четвертого периода Дюрсо с таким же набором инвентаря хорошо известны на Северском Донце ... и в Предкавказье – у аула Казазово, станицы Молдаванской и др. ... Причем часто их сходство можно считать абсолютным” [Дмитриев, 2003, с. 200–205].

А. В. Пьянков также отметил, что “сожжения типа Дюрсо по материальному облику близки кругу салтово-маяцких древностей, и находят многочисленные аналогии погребальному обряду и инвентарю в материалах синхронных им могильников бассейна Северского Донца (кремации типа Новопокровки)” [Пьянков, 2001, с. 205]. Еще в 1996 г. А. В. Пьянков и А. В. Тарабанов эти сходства на кремационных могильниках бассейна Северского Донца и Северо-Западного Кавказа объясняли “общностью происхождения” населения, их оставившего. Что же касается некоторых отличий, то упомянутые исследователи объяснили это “проживанием племен – носителей кремационного обряда, после расселения, в различном этнокультурном окружении” [Пьянков, Тарабанов, 1996, с. 64].

Относительно же этнической атрибуции обитателей Дюрсо в хазарское время среди исследователей были высказаны различные мнения. Так, Е. П. Алексеева считала, что все погребения III–XIII вв. Северо-Западного Кавказа, совершенные по кремационному обряду, были оставлены протоабазинскими племенами. Исследователь объясняла появление кубано-черноморских кремаций переселением отдельных групп носителей цебельдинской культуры, существовавшей на территории Абхазии во II–VII вв. н. э. По мнению исследователя, ее оставили предки абазин [Алексеева, 1980, с. 36]. Если следовать этой концепции, то получается, что обряд трупосожжения возник на Северо-Западном Кавказе самостоятельно и имел местные корни. Может быть, это и дало основания Г. Е. Афанасьеву связать появление кремационных захоронений в бассейне Северского Донца в хазарское время с переселением сюда с Кавказа абхазо-адыгского населения [Афанасьев, 2001, с. 53].

А. В. Пьянков же считал, что “кремации типа Дюрсо не имеют корней на Северо-Западном Кавказе в предшествующий период и их носители не могут быть признаны автохтонным кавказским народом” [Пьянков, 2001, с. 204–205]. А. В. Дмитриевым была высказана, и не без оснований, довольно интересная

гипотеза относительно центральноазиатского происхождения населения, оставившего могильники в Дюрсо и Сухой Гомольше [Дмитриев, 2009].

Как уже отмечалось, очень близкими кремационным захоронениям Северо-Западного Кавказа являются кремационные могильники хазарского времени в бассейне Северского Донца. Наиболее знаменитым из них является могильник, входящий в состав комплекса, вблизи с. Сухая Гомольша, открытый и исследованный В. К. Михеевым [Аксенов, Михеев, 2006, с. 72–92; Михеев, 1986, с. 158–173]. На основании анализа вещевого материала и стратиграфии могильника В. К. Михеев и В. С. Аксенов датировали локальные группы могильника следующим образом: I – середина VIII – середина IX вв.; II – вторая половина VIII в.; III – VIII – начало IX вв.; IV – вторая половина VIII в.; V – конец VIII – середина IX вв.; VI – середина – третья четверть IX в. [Аксенов, Михеев, 2006, с. 93–169]. Исследователи уже давно обратили внимание, что в бассейне Северского Донца и на сопредельных территориях были выявлены кремационные могильники хазарского времени, аналогичные Сухогомольшанскому [Кухаренко, 1952; Кухаренко, 1951, с. 105; Буйнов, Дьяченко, Шрамко, 1978, с. 34; Шрамко, 1983; Михеев, 1991; Плетнева, 1972; Плетнева, 1989, с. 259]. Получается, что кремационные могильники типа Дюрсо на Северо-Западном Кавказе и Сухая Гомольша на Северском Донце оставили близкие по культурным традициям группы населения. Однако в Сухой Гомольше и на некоторых могильниках в бассейне Северского Донца встречались кремационные захоронения с использованием керамики, которая находит аналогии в посуде из Пастырского городища, которое функционировало на правом берегу Среднего Поднепровья в более раннее время. Это и является основным отличием Сухогомольшанского могильника от кремационных могильников Северо-Западного Кавказа хазарского периода [Бубенок, Аксенов, 2009, с. 109, 138–139].

На Северо-Западном Кавказе инвентарь, обнаруженный в третьей группе погребений Борисовского могильника был отличен от находок предшествующего времени. Здесь были найдены сабли (погр. №№ 144, 134, 144), наконечники стрел (погр. № 134), стремена (погр. №№ 134, 144), удила (погр. № 134, 144), железные пряжки (погр. №№ 134, 143), железные щипчики (погр. №№ 105, 134) и т.п. погр. № 134), железная цепь особой конструкции (погр. № 134) и т.п. [Саханов, 1914, с. 75–219]. Аналогичную ситуацию наблюдаем и на могильнике Дюрсо. Там также, кроме ремесленных орудий и украшений были обнаружены подобные находкам из Борисовского могильника наконечники стрел, наконечники копий, боевые топоры, сабли, кинжал, кистень, ножи, а также стремена, украшения ремней конской сбруи и т.п. [Дмитриев 2003, с. 200–205]. Аналогичные вещи были обнаружены и в бассейне Северского Донца в Сухой Гомольше [Аксенов, Михеев, 2006, с. 93–169]. В результате, создается впечатление, что население как на Северо-Западном Кавказе (Борисово, Дюрсо), так и в бассейне Северского Донца в Сухой Гомольше было связано с военной службой в кавалерии, т.е. имело непосредственное отношение к степной жизни.

Именно поэтому понятно стремление исследователей связать происхождение кремационных могильников хазарского времени с кочевыми народами степи. Если посмотреть на карту, то можно заметить, что в хазарское время кремации салтовского типа появились на Северо-Западном Кавказе, как раз возле юго-западных границ Хазарского каганата, т.е. на землях адыгов. Аналогичную ситуацию с салтовскими кремациями можно отметить и на Северо-Западе Хазарского каганата в бассейне Северского Донца. В свое время А. В. Гадло относительно состава населения, которое проживало вблизи крепостей на западной границе Хазарского каганата, включая С-м-к-р-ц на Таманском полуострове, высказался следующим образом: “...можно полагать, что эти крепости были окружены коренным населением тех областей, в которых они находились, хотя внутри них правительство держало гарнизоны иноплеменных наемников” [Гадло, 1994, с. 28]. Вполне возможно, что к числу этих “наемников” и относились обитатели Дюрсо и Борисово. В данной ситуации следует отметить, что И. О. Гавритухин и А. В. Пьянков появление в Северо-Восточном Причерноморье кремационных погребальных памятников типа Дюрсо объясняли следующим образом: «К началу собственно “салтово-маяцкого времени” полностью пропадают ингумации в Дюрсо, оформляется структура III группы погребений в Борисово. Все это совпадает с эпохой новых потрясений и изменений среди подвластных хазарам народов на протяжении второй трети VIII в. (пик борьбы с арабским натиском, переселение части алан в лесостепь и др.). По-видимому, и на “зихской” границе каганат проводил “стабилизационные” мероприятия» [Гавритухин, Пьянков, 2001, с. 198–199]. Следовательно, хазарский каган мог переселить одно из подразделений хазарской орды на юго-западные границы Каганата, для контроля над весьма ненадежными адыгами. То же самое можно сказать и о причинах появления такого же населения на северо-западных границах Хазарского государства, где поселились вассальные кагану аланы и болгары. Очевидно, как это принято в традициях средневековых кочевников, эти две группы близкородственного населения должны были представлять собой правое и левое крыло одного племени.

Поэтому имеет смысл поддержать предположение А. В. Пьянкова, согласно которому появление на Северо-Западном Кавказе кремационных захоронений салтовского типа и возникновение нового этнонима

касоги – взаимосвязаны. При этом исследователь считал касогов, которые практиковали обряд трупосожжения, тюркоязычными пришельцами на землях адыгов-зихов, не знавших обряд кремации. Если следовать логике исследователя, то получается, что во второй половине VIII в. на земли адыгов, находившихся на юго-западной границе Хазарского каганата в бассейне Кубани и на северо-восточном побережье Черного моря хазарской администрацией были поселены племена кочевников, очевидно тюркского происхождения, самоназванием которых был термин **кас**, который со временем распространился на часть местного адыгского населения. По мнению исследователя, название пришельцев-завоевателей – **касог** начало распространяться на адыгов лишь в X в. [Пьянков, 2001, с. 204–206]. Столь поздняя дата распространения нового этнонима **касог** в адыгской среде может быть объяснима тем, что В.А. Пьянков не верил в то, что в сочинении монаха Епифания, жившего на рубеже VIII–IX вв., были упомянуты касоги [Пьянков, 2001, с. 199]. Если же сообщение Епифания упоминало именно касогов, как тюркоязычных пришельцев, то вполне вероятно, что в начале X в. термин **касоги** уже обозначал смешанное тюрко-адыгское население.

Обычно с пребыванием касогов в X в. связывают, в первую очередь, территорию Северо-Западного Кавказа. Однако возможен вариант, при котором хазарская администрация могла выселить часть беспокойных адыгов за пределы их искомым территорий на Северо-Западном Кавказе, а на их место поселить пришельцев, выполнявших функции представителей хазарской администрации. Для такого предположения имеются основания.

***

Как уже отмечалось, в первой половине X в. Мас'уди [Минорский, 1963, с. 207] и Константин Багрянородный [Константин, 1991, с. 173–174] локализовали касогов в районе Северо-Западного Кавказа. Аналогичную картину в X в. дают и другие восточные и европейские источники.

Однако первое же упоминание касогов в “Повести временных лет” позволяет дать иную локализацию данной этнической группы. Речь идет об известии древнерусских летописей о походе Святослава против хазар в 965 г. В большинстве списков “Повести временных лет” нет особых расхождений относительно последовательности событий. Древнерусские авторы об этом пишут: “В лето 6473. Иде Святослав на Козары; слышавше же Козары, и изыдоша проитиву с князем своим Коганом, и соспустишюся обои; и одоле Святослав Козаром, и град их Белую Вежу взя; и Ясы победы и Касоги” [Воскресенская..., 1856, с. 287; Ипатьевская..., 1843, с. 246; Приселков, 1950, с. 84]. Анализ упомянутых фрагментов позволяет предполагать, что в 965 г. Святослав сначала напал на хазар в районе Саркела – Белой Вежи, захватил эту крепость и лишь после этого мог пойти на союзников хазар – аланов-ясов и касогов. Однако в Лаврентьевской летописи относительно последовательности этих событий имеются некоторые расхождения: “Иде Стослав на Козары. Слышавше же Козары изи[до]ша проитиву съ князем своим Каганом и съступиша бить. и бивши брани. Одоле Стослав Козаромъ и град ихъ и Белу Вежу взя [и] Ясы победы и Косоги” [Лаврентьевская, 1926, стб. 65]. Именно эта информация Лаврентьевской летописи и известия древнерусских летописей о походе Святослава на Оку и Волгу в 964 г., а также сообщение Ибн Хаукаля о походе русов против хазар, в результате которого русы захватили хазарский город Семендер и после чего отправились “в Рум и Андалус” [Караулов, 1908, с. 44, 128; Бартольд, 1940, с. 35], позволили В. А. Кузнецову [Кузнецов, 1971, с. 25–26; Кузнецов, 1984, с. 117–118], В. В. Бартольду [Бартольд, 1940, с. 35], М. И. Артамонову [Артамонов, 1962, с. 427–428], А. Н. Сахарову [Сахаров, 1982, с. 97] и другим исследователям считать, что Святослав сначала пошел на Среднюю Волгу в страну булгар и бургасов, а оттуда, пойдя на юг, и захватив хазарские города на Волге, в Дагестане и на Дону, повернул в земли ясов и касогов. Исходя из того предположения, что в 965 г. Святослав пришел в район Белой Вежи со стороны Итиля (Волги), М. И. Артамонов [Артамонов, 1962, с. 427–428], А. Ю. Якубовский [Якубовский, 1946, с. 470], В. А. Кузнецов [Кузнецов, 1971, с. 25–25; Кузнецов, 1984, с. 117–118] и некоторые исследователи склонны были локализовать ясов и касогов в Предкавказье.

Со своей стороны А. Ю. Якубовский не склонен был доверять информации Лаврентьевской летописи и считал, что Святослав сначала захватил на Дону Саркел – Белую Вежу и после этого пошел на Среднюю и Нижнюю Волгу, а оттуда продвинулся на юго-запад и разгромил в районе Кавказа ясов и касогов, а потом захватил город Семендер в Дагестане [Якубовский, 1946, с. 470–471].

Действительно, несколько странно, что только в Лаврентьевской летописи содержится фраза: “...и град ихъ и Белу Вежу взя” [Лаврентьевская, 1926, стб. 65], тогда как в остальных списках она имеет вид – “и град их Белую Вежу взя” [Воскресенская, 1856, с. 287; Ипатьевская, 1843, с. 246]. Создается впечатление, что автор Лаврентьевского списка при составлении свода допустил ошибку. И поэтому весьма странным выглядит маршрут похода в Святослава в 965 г. со Средней Волги на юг, на Кавказ и Дон, который фактически представляет собой надуманную комбинацию известий древнерусской летописи о событиях 964 г., сообщения Лаврентьевской летописи о походе 965 г. и информации Ибн Хаукаля о походе русов против хазар во второй половине X в. Поэтому имеет смысл напомнить мнение

А. П. Новосельцева, который считал, что русы совершили против хазар два похода: первый – в 965 г., а второй – в 968 г. Исследователь считал, что сведения о первом походе нашли отражение в древнерусских летописях, а известия о втором – в сообщении Ибн Хаукаля. Поэтому весьма логичным выглядит его предположение, что “Повесть временных лет” не содержит указаний на уничтожение Хазарского государства в 965 г., а лишь говорит о поражении хазар, потере ими Саркела и земли вятичей, а также о каких-то военных действиях Святослава в Подонье и Прикубанье [Новосельцев, 1990, с. 220]. По мнению М. Грушевского [Грушевский, 1994, с. 462], Т. М. Минаевой [Минаева, 1971, с. 199], А. П. Новосельцева [Новосельцев, 1990, с. 220] и других исследователей, войско Святослава двигалось по суше с запада на восток и должно было встретить ясов вблизи Саркела на Нижнем Дону, а касогов – в Прикубанье.

Кроме того, Г. Ф. Турчанинов относительно маршрута похода Святослава выдвинул достаточно интересное предположение: «...нет никаких оснований думать, что битва с ясами (аланами) и касогами (черкесами) произошла где-то на Северном Кавказе. И те и другие могли находиться (и скорее всего находились) в Подонье, ниже Белой Вежи. Вероятно, и этническое название *касого* (ср. осет. *каесаег* „кабардинец-черкес“) вошло в русский язык тогда же, будучи заимствовано из языка не северокавказских, а подонских ясов-алан, ниже которых у дельты Дона сидели касоги...» [Турчанинов, 1971, с. 75]. Свои предположения Г. Ф. Турчанинов подтверждает не только данными древнерусских летописей, но и надписями на раннесредневековых фляжках из под Новочеркасска, которые он прочитал на касожском (адыгском) языке [Турчанинов, 1971, с. 75; Турчанинов, 1964, с. 74–75]. Исследователь на основе своей гипотезы о существовании особой письменности у народов Хазарского каганата сделал довольно оригинальное предположение относительно происхождения надписей, найденных возле Новочеркасска: “Присмотревшись к надписям на камнях Маяцкого городища и на флягах из Новочеркасского музея, нетрудно обнаружить, что буквы этих надписей выходят за пределы аланского и касожского письмен. ... некоторые из букв этих надписей по своему виду и звучанию либо совпадают с буквами глаголического и кириллического славянского письма, либо отличаются от них незначительно.... В основу раннего восточнославянского..., и в основу касожского (средневекового кабардино-черкесского)... письма легло средневековое осетинское (аланское) письмо..., уходящее своими корнями в древнеосетинское (скифо-сарматское) письмо арамейского дукта” [Турчанинов, 1971, с. 78].

Несмотря на то, что попытки Г. Ф. Турчанинова прочитать надписи на новочеркаских фляжках на адыгском (касожском) языке выглядят довольно спорными, имеется определенное археологическое подтверждение этой гипотезы. Прежде всего, большой интерес представляют некоторые могильники салтовской культуры в степном Подонье, где широко использовались каменные обкладки могил. Так, на могильнике в окрестностях г. Камянск-Шахтинского, вблизи Рыгинского городища, на правом берегу Северского Донца, в нижнем его течении, могильные ямы или были облицованы каменными плитами по периметру, или перекрыты ими сверху. Кроме того, здесь покойники лежали головами на юг, иногда в скорченном положении и на угольной подсыпке. Довольно часто встречались коллективные захоронения. На могильнике были зафиксированы и особые погребальные сооружения: погребенные перекрывались наклонными плитами, один конец которых стоял на дне могилы, а другой упирался в противоположную стену; умершие обычно были ориентированы головой на юг, а плиты наклонены к западу, т. е. стоят с правой стороны погребенного; две из таких могил были коллективными. Инвентарь в большинстве погребений Рыгинского могильника был представлен желтыми кувшинами с шаровидным туловом без лощения и лепными горшками, которые отличаются от керамики типично зливкинских форм. Это позволило исследователям датировать могильник более ранним временем – VI–VII вв. Рыгинский могильник так и не стал объектом исследования антропологов [Тимощенков, 1905, с. 272–275; Генинг, Халиков, 1964, с. 121; Плетнева, 1967, с. 95–96; Плетнева, 1981, с. 11–12].

Обратим внимание еще на один подобный случай, зафиксированный К. И. Красильниковым на территории Луганской обл. в нижнем течении Северского Донца: «Аланские черты погребальной обрядности замечены, в частности на могильнике у с. Желтое, где обнаружено 30 захоронений, из них – 27 праболгарских с обрядом “зливкинского” типа. Одно – в каменном ящике из мергелевых плит – крымского типа, еще два захоронения выполнены в ямах с катакомбами, входы в которые были закрыты мергелевыми плитами. Одно из них (№ 28) особенно напоминает аланские катакомбные захоронения Маяцкого могильника на р. Тихая Сосна...» [Красильников, 2001, с. 316–317]. Для нас интерес могут представлять не только катакомбные захоронения, но и погребение в могильной яме, облицованное по периметру каменными плитами, которое К. И. Красильников отнес к захоронениям “крымского типа”. К сожалению, в цитируемой статье не указана ориентация погребенного. К этому следует добавить, что захоронения в каменных ящиках с различной ориентацией имели распространение также на Кавказе. Быть может, не случайно рядом с катакомбами, связываемыми с северокавказскими аланами, и было обнаружено такое захоронение. Однако данный вопрос следует считать открытым.

Очевидно, что к хазарскому времени следует также отнести функционирование аналогичного Рыгинскому Артугановского могильника, который был обнаружен на левом берегу Дона, в нижнем его течении, в урочище Артугановском вблизи станицы Багаевской. Весьма характерно, что Артугановский могильник был расположен по прямой линии от Рыгинского на расстоянии 100 км. Погребения там совершались также в могильных ямах, облицованных каменными плитами. Покойники были ориентированы головой на северо-восток [Артамонов, 1935, с. 114; Плетнева, 1967, с. 95–96; Плетнева, 1981, с. 11–12].

Относительно происхождения таких могильников С. А. Плетнева выдвинула предположение, что истоки традиции обкладывать могильные ямы каменными плитами следует искать в Крыму [Плетнева, 1981, с. 12]. Однако, по данным И. А. Баранова, начало широкого распространения плитовых могильников в Крыму следует относить лишь к VIII–IX вв., что было связано с укреплением позиций христианства на полуострове. На них преобладала западная, а не северо-восточная ориентация покойников [Баранов, 1974, с. 154]. Поэтому имеет смысл искать аналогии на других соседних территориях, среди которых ближайшими являются Северный и Западный Кавказ. Так, по ряду признаков – каменные обкладки, групповые захоронения, скорченные погребения на боку, угольная подсыпка, и т.п. – Рыгинский могильник очень напоминает могильник вблизи дер. Харх в Северной Осетии. Тем не менее, последний памятник датируется более поздним временем – XI–XII вв. Однако необходимо отметить, что на северокавказских могильниках вблизи дер. Кобань, Лац, Задалиск, Камбулта, Даргвас, датированных III–VIII ст., кроме каменных обкладок и угольной подсыпки была зафиксирована разнообразная ориентация покойников, в том числе и южная [Кузнецов, 1962, с. 80–81, 89–103].

Что же касается Артугановского могильника, то ближайшие к нему аналогии содержат погребения Борисовского могильника близ Геленджика, на Северо-Западном Кавказе, которые были продатированы на основе нумизматического материала V–VII вв. Для данного некрополя, как уже отмечалось, была характерна биритуальность погребального обряда, что проявилось в наличии одновременных трупоположений и трупосожжений, которые встречаются как в каменных ящиках, так и в грунтовых ямах. Большинство одиночных погребений по обряду ингумации находились там в грунтовых ямах с каменными обкладками. На Борисовском могильнике, как и на Артугановском, преобладала северо-восточная ориентация покойников в каменных ящиках. Известно, что в более позднее время, в IX–XV вв., на Северо-Западном Кавказе на смену грунтовым погребением в ямах с каменными обкладками пришли аналогичные им захоронения, но под курганными насыпями [Саханов, 1914, с. 75–219].

В. Ф. Генинг и А. Х. Халиков высказали одно интересное наблюдение: “Захоронения с каменными внутримогильными конструкциями типологически можно сопоставить с больше-тарханскими могилами с заплечиками. Основное, что их сближает, это отсутствие деревянного гроба и устройство могильной камеры – склепа. Различается лишь материал, употребляемый для устройства камеры. Действительно, могилы с односторонними заплечиками перекрывались наклонно поставленными короткими бревнами, и точно также производились захоронения с наклонно поставленными плитами. В погребениях с двусторонними заплечиками в качестве опоры для горизонтального перекрытия использовались уступы – заплечики, оставленные при рытье могильной ямы, а в погребениях с каменными ящиками такие опоры выкладывались специально из каменных плит” [Генинг, Халиков, 1964, с. 122]. Исходя из этого, имеются основания считать Рыгинский могильник близким не только к раннесредневековым некрополям Центрального Кавказа, но и к Больше-Тарханскому могильнику на Средней Волге. Что же касается Артугановского могильника на Нижнем Дону и Борисовского на Северо-Западном Кавказе, то имеются основания говорить о генетической близости населения, оставившего эти памятники.

Вопрос в том: кто оставил раннесредневековые погребения в каменных ящиках на Северо-Западном Кавказе и Нижнем Дону? Как уже отмечалось, автор раскопок Борисовского могильника В. В. Саханов считал, что на Северо-Западном Кавказе, во времена раннего средневековья проживали племена адыгов, известные в византийских источниках как *зихи* и поэтому имеет смысл связывать Борисовский могильник именно с пребыванием зихов [Саханов, 1914, с. 75–219]. На Руси же адыгов называли касогами. Следовательно, можно согласиться с мнением тех исследователей, которые считают, что в 965 г. князь Святослав встретил ясов (аланов) и касогов (адыгов) не на Кавказе, а на Нижнем Дону. В этом нас убеждают отмеченные параллели между нижнедонскими и северокавказскими могильниками. Может быть, и прав Г. Ф. Турчанинов в том мнении, что надписи на флягах Новочеркасского музея были написаны не на тюркском или иранском языках, а именно на касожском (адыгском).

Таким образом, данные раскопок Борисовского могильника на Северо-Западном Кавказе и Артугановского могильника на Нижнем Дону, а также сведения “Повести временных лет” о событиях 965 г. позволяют сделать предположение, что в первой половине VIII в. с Северного Кавказа в Подонье хазарами были переселены не только аланы и болгары, но и одно из племен зихов-касогов, которые

являлись подданными хазарского кагана. Нахождение адыгов в устье Дона, как нельзя лучше, отвечало стратегическим интересам хазар. Прежде всего, там должна была находиться мелководная переправа. В одной из своих статей А. А. Тортика, на примере легенды о переправе гуннов через Боспор Киммерийский, показал, что гунны переправились через брод именно в устье Дона, потому что готские историки, по недоразумению, перепутали Керченский пролив с устьем Дона, ибо “устье Танаиса и устье Меотиды часто рассматриваются как равнозначные и взаимозаменяемые термины” [Тортика, 2003, с. 70]. Кроме того, с конца IX в., по данным мусульманских авторов, через дельту Дона к волоку от Дона к Волге начали плавать русы в намерении достичь Каспийского моря. Как свидетельствуют письменные источники того времени, такие плаванья с течением времени становились все более нежелательными для хазар. Так, Мас’уди в своем сочинении “Мурудж ад-Дзахаб” считает, что Волга и Дон были соединены протоком, а не сухопутным волоком, и при этом отмечает, что Волга “вытекает из верхних частей тюркских земель... от нее рукав течет в направлении страны бургар (*нахва билад ал-Бургар*) и впадает в Майтас (Мэотис)” [Минорский, 1963. С. 192–193]. Это же находит подтверждение и в другом сообщении Мас’уди: “В верхней части хазарской реки (Волги – О. Б.) есть проток (масабб), вливающийся в залив моря Нитас (Понт) – море русов” [Минорский, 1963. С. 196–197]. Именно этим путем, по данным мусульманского автора, и воспользовались русы во время похода на Каспий после 300 г. х. (912 г.): “500 судов (маркаб) их прибыли в пролив (халидж) Нитаса (Понта), соединенный (муттассил) с Хазарским морем....” [Минорский 1963. С. 198]. Естественно, кто-то должен был контролировать нижнее течение Дона. Поэтому сохранение касожской колонии вблизи устья Дона в X в. было продиктовано новыми политическими обстоятельствами. И это поселение касогов должно было сохраниться вплоть до похода Святослава против хазар в 965 г., что и нашло отражение в “Повести временных лет”.

Получается, что не лишено оснований сообщение Новгородской первой летописи, согласно которому после победы над хазарами возле Белой Вежи в 965 г. Святослав “Ясы победы и Касоги и приведе Киеву” [Новгородская первая..., 1950, с. 117]. Патриаршая летопись относительно судьбы этих ясов и касогов уточняет: “... и приведе к Киеву” [Патриаршая..., 1862, с. 31]. Данный пассаж Д. С. Лихачев предложил трактовать как свидетельство того, что ясы и касоги были приведены в зависимость от Киева [Повесть..., 1950, с. 311]. Однако это можно рассматривать и как указание на то, что бывших хазарских вассалов – ясов и касогов Святослав мог целенаправленно переселить из Нижнего Подонья в Киев. Это вполне согласуется с целью похода 965 г. – создать плацдарм от устья Дона до переволоки к Волге для последующего похода русов на кораблях, целью которого был расположенный на берегах Волги хазарский центр Итиль.

* * *

Ситуация, при которой одна часть беспокойных подданных переселялась на новые территории, а на их место принудительно селили других вассалов, вообще была типична для Хазарского каганата. Вот как видит В. А. Кузнецов причины и последствия миграций части аланов из западной части Центрального Предкавказья в лесостепное Подонье. По его мнению, “...исходным районом аланского переселения на север был район г. Кисловодска, где аланы были вытеснены болгарами...” [Кузнецов, 1984, с. 110]. В другом случае по этому поводу он высказался более осторожно: “Почти с передвижением салтовских алан с юга на север произошло встречное перемещение значительной массы тюркоязычного болгарского населения с севера на юг, в бассейн верхней Кубани” [Кузнецов, 1984, с. 112].

Почему же тогда нельзя считать, что аналогичные процессы не проходили на Северо-Западном Кавказе во второй половине VIII в.? Вполне возможно, что после арабо-хазарских войн хазары начали проводить стабилизационные мероприятия на юго-западных границах Каганата, где проживали адыгские племена, которых было весьма сложно контролировать. В результате, часть беспокойных адыгов была переселена в устье Дона, а на их место была переселена часть верного кагану кочевого племени. Необходимо отметить, что через земли адыгов, южнее Таманского полуострова, проходила граница Хазарского каганата и этот участок, находившийся вблизи Керченского пролива, имел особое значение для хазар.

Осуществляя политику переселений народов, хазары решали важные для себя задачи: 1) ослабляли сепаратизм своих подданных; 2) укрепляли новые границы Хазарского каганата за счет переселенцев. При этом переселенцы оказывались в среде иноэтничного населения, что еще больше ставило их в зависимость от центральной власти.

Однако следует задаться вопросом: почему именно в среде адыгов при хазарах сложилась именно такая система управления? Обратим внимание на отрывок из сочинения Мас’уди “Мурудж ад-Дзахаб”, где описана ситуация существовавшая на рубеже IX–X вв.: “Причина их [кашаков. – О. Б.] слабости по сравнению с аланами в том, что они не допускают назначить над собой царя, который объединял бы их слова (объединял их вместе)” [Минорский, 1963, с. 206]. Не приходится сомневаться в том, что раздробленность адыгов на отдельные племена существовала и в VIII в., когда хазары начали проводить

стабилизационные мероприятия на границах Каганата. Такая ситуация в корне противоречила социально-политической системе хазар, унаследованной ими от творцов каганатов древних тюрков.

Известно, что Хазарский каганат делился на земли собственно Хазарии, охватывавшей коренные земли хазар в Дагестане и на Нижней Волге, а также на земли вассальных хазарскому кагану правителей покоренных народов, носящих титул *эльтебер*. В функции эльтеберов входила как выплата дани, так и предоставление войска на случай войны. Для контроля над эльтеберами хазарская власть присылала чиновников, носящих титулы *тудун* или *булшцы* [Новосельцев, 1990, с. 118–119, 143]. Понятно, что было не реально заставить не имевших своего единого правителя адыгов выполнять повинности в пользу хазар. Поэтому внедрение чужеродного, верного кагану, этноса на земли адыгов было единственным выходом из создавшейся ситуации.

О том, что касоги, представленные этим смешанным населением, исправно выполняли возложенные на них повинности, свидетельствуют данные некоторых письменных источников. Так, в Пространной редакции письма хазарского царя Иосифа отмечено : “... все живущие в стране *Каса* и все (племена) *Киял*, *Т-к-т*, *Г-бул*, до границы моря *Кустандины*, на протяжении двух месяцев пути, все платят мне дань...” [Коковцов 1932, 100–102]. Конечно, могут возникнуть сомнения относительно достоверности представленной информации, ибо Пространная редакция была составлена неизвестным переписчиком значительно позже событий IX–X вв. Однако существует вероятность того, что при ее составлении были использованы другие тексты хазарского времени, что отличает этот документ от Краткой редакции.

В создавшейся ситуации не ясно, какой титул носил правитель этого смешанного политического альянса: *тудун*, *булшцы* или *эльтебер*? В связи с этим обратим внимание на одно очень любопытное наблюдение, сделанное А. В. Гадло: «У адыгских народов Северного Кавказа сохранилось генеалогическое предание, повествующее о предке наиболее крупных княжеских династий и аристократических родов. Их родоначальником предание называет “князя” *Инала*, которому приписывается объединение адыгских племен, ряд внутренних административно-судебных реформ и удачные войны с опсами (осами-аланами) и абхазами. Предание говорит о том, что деятельность *Инала* не получила продолжения и все его начинания были утрачены при его сыновьях, против которых адыгами было поднято восстание. В русских родословных XVII в. *Инал* был известен под другим именем – *Акабгу*, которое может быть принято за тюрко-хазарский титул *ак-ябгу*, имевший широкое распространение во второй половине I тыс. Имя *Инал* также представляет социальный термин, распространенный как в тюркском, так и в Хазарском каганате. Эти обстоятельства наряду с рядом других реалий, сохранных адыгским фольклором, дали нам основание высказать предположение о том, что в предании об *Инале* сохранилось воспоминание о периоде временной консолидации адыгов, которая совпала с деятельностью на территории юго-западного Предкавказья представителя Хазарского каганата» [Гадло, 1979, с. 195].

Обратим внимание на титул *ак-ябгу*, который может означать – “белый (западный) ябгу”. Армянские авторы, например *Мовсес Калакантуаци*, свидетельствуют о нахождении на Восточном Кавказе носителей титулов *шад* и *джабгу* в первой половине VII в. [Golden, 1980, p. 187–188; 206–207], т. е. тогда, когда земли хазар были еще составной частью Западного Тюркского каганата. По мнению А. П. Новосельцева, в начале VII в., т. е. во время вхождения Хазарии в состав Западнотюркского каганата, титулы *шад* и *ябгу* носили два крупнейших сановника Хазарии и они являлись родственниками кагана. Исследователь отметил, что подобная ситуация встречалась и у других кочевников [Новосельцев, 1990, с. 139]. У орхоно-енисейских тюрков, по данным А. Бернштама, *ябгу* и *шад* назначались из каганского рода и являлись заместителями над определенными племенами и на случай войны соответственно командовали левым и правым крылом [Бернштам, 1946, с. 111].

Таким образом, вопреки распространенному мнению, приходится признать, что этноним *касoги* или *кас-* в хазарское время использовался не только для обозначения адыгоязычного населения Северо-Западного Кавказа, но и являлся первоначальным обозначением кочевого населения, внедренного хазарской администрацией в адыгскую среду в рамках стабилизационных мероприятий на юго-западной границе Хазарского каганата в VIII–IX вв. Вполне вероятно, что это было самоназванием пришельцев, очевидно тюркского происхождения, распространивших данное наименование на подвластных им адыгов. На Северо-Западном Кавказе с этими пришельцами следует связывать кремационные захоронения типа *Дюрсо*, *Борисово*, а с местным адыгским населением – ингумационные захоронения в каменных ящиках. Данные археологии свидетельствуют о том, что близкородственное носителям кремационного обряда население в хазарское время проживало на северо-западной границе Хазарского каганата, а одно из аборигенных племен Северо-Западного Кавказа было переселено в устье Дона. В результате, видим, что в хазарское время под термином *касoги* могло быть известно полиэтничное (тюрко-адыгское) население Хазарского каганата.

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. Ленинград, 1958.
- Аксенов, В. С., Михеев В. К. Население Хазарского каганата в памятниках истории и культуры. "Сухогомольшанский могильник VIII–X вв." // Хазарский альманах. Т. 5. Киев–Харьков, 2006.
- Алексеева Е. П. К вопросу о происхождении абазин по данным археологии // Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института. Вып. VI. Ставрополь, 1970.
- Алексеева Е. П. О происхождении абазин и расселении их в средние века // Проблемы этнической истории народов Карачаево-Черкессии. Черкесск, 1980.
- Армарчук Е. А., Дмитриев А. В. Памятники Северо-Восточного Причерноморья X–XIII веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII вв. Москва, 2003.
- Артамонов М. И. Средневековые поселения на Нижнем Дону // ИГАИМК. Вып. 131. М., 1935.
- Артамонов М. И. История хазар. Ленинград, 1962.
- Афанасьев Г. Е. Где же археологические свидетельства существования Хазарского каганата? // РА. 2001. № 2.
- Баранов И. А. О восстании Иоана Готского // Феодалная Таврия. К., 1974.
- Бартольд В. В. Арабские известия о русах // Советское востоковедение. Вып. 1. 1940.
- Бернштам А. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI–VIII веков. Восточно-тюркский каганат и кыргызы. М., 1946.
- Бубенок О. Б., Аксенов В. С. Кто обитал в Сухой Гомольше в хазарское время? // Хазарский альманах. Т. 8. Киев–Харьков, 2009.
- Бушаков В. А. Етніонім Черкес (до семантичної типології етніонімів) // Сходознавство. Вип. 37. Київ, 2007.
- Буйнов Ю. В., Дьяченко А. Г., Шрамко Б. А. Работы на новостройках Харьковской обл. // АО. 1977. Москва, 1978.
- Васильевский В. Г. Ходжение Апостола в стране Мирмидонян // Васильевский В. Г. Труды. Т. II. Вып. 1. Санкт-Петербург, 1909.
- Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. Москва, 1973.
- Воскресенская летопись // ПСРЛ. Т. VII. Т. VII. Санкт-Петербург, 1856.
- Гавритухин И. О., Пьянков А. В. Северо-Восточное Причерноморье. Могильники VI–VII веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII вв. Москва, 2003.
- Гавритухин И. О., Пьянков А. В. Северо-Восточное Причерноморье. Древности и памятники VIII–IX веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII вв. Москва, 2003а.
- Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Ленинград, 1979.
- Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа X–XIII вв. Санкт-Петербург, 1994.
- Генинг В. Ф., Халиков А. Х. Ранние болгары на Волге. Москва, 1964.
- Дмитриев А. В. К вопросу об этнической принадлежности трупосожжений конца VIII–IX века в районе Новороссийска – Геленджика. // VIII "Крупновские чтения". Нальчик, 1978.
- Дмитриев А. В. Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей V–IX веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII вв. Москва, 2003.
- Дмитриев А. В. К вопросу об этнической принадлежности трупосожжений конца VIII – начала IX века в районе Новороссийска-Геленджика. 2009 / <http://www.nasledie.org/v3/ru/?action=view&id=127163>
- Дьяконов И. М. История Древнего Востока. Ч. 2. Москва, 1988.
- Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. II. Санкт-Петербург, 1843.
- Караулов Н. А. Сведения арабских географов о Кавказе // СМОМПК. Т. XXXII. Тифлис, 1901.
- Карпини П. История монгалов // Карпини П. История монгалов. Рубрук Г. Путешествие в восточные страны. Москва–Ленинград, 1957.
- Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Ленинград, 1932.
- Константин Багрянородный. Об управлении империей / Под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. Москва, 1991.
- Красильников К. И. Новые данные об этническом составе населения степного Подонцовья VIII – начала X вв. // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2. Хазарское время. Донецк, 2001.
- Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа // Материалы и исследования по археологии СССР. №106. М., 1962.
- Кузнецов В. А. Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1984.
- Кухаренко Ю. В. О некоторых археологических находках на Харьковщине // КСИИМК. Т. XLI. Москва, 1951.
- Кухаренко Ю. В. Новопокровский могильник и поселения // Археологія. Т. 6. Київ, 1952.
- Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. I. Санкт-Петербург, 1846.
- Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. II. Л., 1926.
- Менгенс К. Г. Восточные элементы в „Слове о полку Игореве“. Ленинград, 1979.
- Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента X–XI вв. Москва, 1963.
- Михеев В. К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985.
- Михеев В. К. Сухогомольшанский могильник // СА. 1986. № 3.
- Михеев В. К. О социальных отношениях у населения салтово-маяцкой культуры Подонья – Приазовья в VIII–X вв. (Ч. 1) // Археология славянского Юго-Востока. Материалы к межвузовской научной конференции. Воронеж, 1991.
- Никаноровская летопись // ПСРЛ. Т. XXV. Москва–Ленинград, 1962.
- Новгородская Первая летопись. Москва–Ленинград, 1950.
- Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.
- Патриаршая или Никонова летопись. Патриаршая Девятая. // ПСРЛ. Т. IX. Санкт-Петербург, 1862.
- Патриаршая Десятая или Никонова летопись // ПСРЛ. Т. X. Санкт-Петербург, 1885.
- Плетнева С. А. От кочевий к городам // Материалы и исследования по археологии СССР. №142. М., 1967.
- Плетнева С. А. Об этнической неоднородности населения северо-западного хазарского пограничья // Новое в археологии. Москва, 1972.

- Плетнева С. А. Древние болгары в бассейне Дона и Приазовье // Плиска–Преслав. Прабългарската култура. Материали от българо-съветската среща, Шумен, 1976. София, 1981.
- Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. Москва, 1989.
- Повесть временных лет / Под ред. Д. С. Лихачева. Ч. 1. Москва–Ленинград, 1950.
- Приселков М. Д. Троицкая летопись (Реконструкция текста) Москва–Ленинград, 1950.
- Пьянков А. В., Тарабанов В. А. Кремационные погребения Кубани и Подонья салтовского времени: единство происхождения или случайное сходство // Проблемы археологии и истории Боспора. К 170-летию Керченского музея древностей. Тезисы докладов юбилейной конференции. 25–27 июля 1996 г. Керчь, 1996.
- Пьянков А. В. Касоги/касахи/кашаки письменных источников и археологические реалии Северо-Западного Кавказа // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 1. Краснодар, 2001.
- Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. II. Ч. 1. Санкт-Петербург, 1899.
- Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. III. Ч. 2. Санкт-Петербург, 1905.
- Саханов В. Б. Раскопки на Северном Кавказе в 1911–1912 гг. // Известия Археологической комиссии. Т. 56. Москва, 1914.
- Софиевская летопись // ПСРЛ. Т. VI. Санкт-Петербург, 1853.
- Тарабанов А. В. Кремационные погребения VIII–X вв. на территории Краснодарского края и их этническая принадлежность. // XVIII "Крупновские чтения" по археологии Северного Кавказа. Кисловодск, 1994.
- Тимощенко И. Отчет об археологическом обследовании древнего городища на балке Рыгинской // Труды XII АС. Т. II. Москва, 1905.
- Тортика А. А. К вопросу об исторической интерпретации легенды о преправе гуннов через Босфор Киммерийский // Боспорские исследования. Вып. III. Симферополь, 2003.
- Турчанинов Г. Ф. О языке надписей на камнях Маяцкого городища и флягах Новочеркасского музея // Советская археология. 1964. №1.
- Турчанинов Г. Ф. Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. Москва, 1971.
- Худуд ал-'Алем (рукопись Туманского) с введением и указателем В. Бартольда. Ленинград, 1930.
- Шрамко Б. А. Погребения VIII–X вв. у с. Пятницкое в Харьковской обл. // Древнерусское государство и славяне. Минск, 1983.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. II. Москва, 1986.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. IV. Москва, 1987.
- Якубовский А. Ю. О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях в IX–X вв. // Известия АН СССР. Серия истории и философии. 1946. Т. III. №5.
- Dunlop D. M. The History of the Jewish Khazars. New-York, 1954.

СОКРАЩЕНИЯ

- АО – Археологические открытия
 АС – Археологический сборник
 ИГАИМК – Известия государственной академии истории материальной культуры
 КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
 ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
 РА – Российская археология
 СА – Советская археология
 СМОМПК – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа

О. Б. Бубенок Косоги на південно-західному кордоні Хозарського каганату Резюме

Автор статті підтримує тих дослідників, які пов'язують етнонім *косоги* зі змішаним тюрко-адизьким населенням Північно-Західного Кавказу. Цілковито можливо, що даний термін спочатку був самоназвою кочового населення, ймовірно тюркського походження, яке було переселене хозарською адміністрацією в адизьке середовище в межах стабілізаційних заходів на південно-західному кордоні Хозарського каганату в VIII–IX ст. На Північно-Західному Кавказу з цими прибульцями варто пов'язувати кремационні поховання типу Дюрсо, Борисово, а з місцевим адизьким населенням – інгумационні поховання в кам'яних шухлядах. Як вдалося встановити, споріднене до носіїв кремационного обряду населення в хозарський час проживало на північно-західному кордоні Хозарського каганату, а одне з аборигенних племен Північно-Західного Кавказу було переселене до гирла Дону. У результаті, бачимо, що в хозарський час етнічну назву *косоги (кас-)* прибульці-тюрки могли поширити на підконтрольні щодо них адизькі племена.

Ключові слова: косоги, адиги, Хозарський каганат, кремациї, міграції

О. Б. Бубенок Касоги на юго-западной границе Хазарского каганата Резюме

Автор статьи поддерживает тех исследователей, которые связывают этноним *косоги* со смешанным тюрко-адыгским населением Северо-Западного Кавказа. Вполне возможно, что данный термин первоначально являлся самоназванием кочового населения, вероятно тюркского происхождения, которое было внедрено хазарской администрацией в адыгскую среду в рамках стабилизационных мероприятий на юго-западной границе Хазарского каганата в VIII–IX вв. На Северо-Западном Кавказе с этими пришельцами следует связывать кремационные захоронения типа Дюрсо, Борисово, а с местным адыгским населением –

ингумационные захоронения в каменных ящиках. Как удалось установить, близкородственным носителям кремационного обряда население в хазарское время проживало на северо-западной границе Хазарского каганата, а одно из аборигенных племен Северо-Западного Кавказа было переселено в устье Дона. В результате, видим, что в хазарское время этническое название **касоги (кас-)** пришельцы-тюрки могли распространить на подконтрольные им адыгские племена.

Ключевые слова: касоги, адыги, Хазарский каганат, кремации, миграции

O. B. Bubenok

The Kasogs on the South-Western Border of the Khazar Kaganate

Summary

The author of this article supports those researchers who connect the ethnic name **Kasogs** with the mixed Turk-Adyg population of North-Western Caucasus. Quite possible, that this term originally was an inner ethnic name of nomadic population, probably turkic origin, which was inculcated by Khazar administration into a Adyg environment within the framework of stabilizing measures on the south-western border of the Khazar kaganate in VIII-IX centuries AD. In North-Western Caucasus it is necessary to link with these new-comers the cremation burial places like Durso, Borisovo and with a local Adyg population – the ingumations into stone boxes. As succeeded to set, closely-related to the carriers of cremation ceremony a population in Khazar time lived on the north-western border of Khazar kaganate and one of tribes of aborigines of North-Western Caucasus was transmigrated to the mouth of Don. As a result, We can see, that at the Khazar times the Turks-newcomers could spread the ethnic name **Kasogs (Kas-)** on the dependent to them Adyg tribes.

Keywords: Kasogs, Adygs, Khazar kaganate, cremations, migrations